

Россия в Евразии: баланс геоэкономических и геополитических инструментов интеграции¹

Андрей Борисович Волынчук,

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: i-abv@yandex.ru

В статье анализируются предпосылки, перспективы и возможные риски реинтеграционных процессов, активизированных Москвой на постсоветском пространстве во втором десятилетии XXI в. Автором даётся оценка динамики развития интеграционных механизмов с момента создания новых государств после распада Советского Союза и до настоящего времени (СНГ, ОДКБ, Союзное государство Россия — Беларусь, ШОС, ЕАЭС). Выявлено, что, за исключением короткого периода конца 1990-х гг., когда Российская Федерация в силу разных причин отказалась от управления процессами интеграции на постсоветском пространстве, всё остальное время Москва является инициатором создания и организатором разнообразных межгосударственных интеграционных структур, цель которых — объединение бывших советских республик вокруг одного центра. Из всех постсоветских стран только Россия обладает и желанием к объединению, и наибольшими для этого возможностями. При этом её деятельность ведётся в соответствии с современными представлениями о собственных геоэкономических и геополитических интересах, которые и легли в основу современной интеграционной политики российского государства. В то же время рост активности Москвы в деле объединения постсоветских стран прямо пропорционален росту политического, экономического и военного потенциала Российской Федерации в мире. Однако на результативность российской интеграционной политики оказывают влияние четыре внешних фактора (Китай, США, Ближний Восток, Казахстан). Их проявление в различных сочетаниях и с различной силой способно существенно изменить как содержание, так и скорость интеграционных процессов.

Ключевые слова: Россия, Евразия, СНГ, Евразийский союз, ШОС, ОДКБ, постсоветское пространство, интеграционные процессы, реинтеграция, национальные интересы.

¹ Раздел статьи, посвящённый анализу методологических аспектов международной интеграции, подготовлен при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-014-00012 А). Остальные разделы написаны в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН.

Russia in Eurasia: Balance of Geo-economic and Geopolitical Integration Tools.

Andrei Volynchuk, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: i-abv@yandex.ru.

The article analyzes the prerequisites, prospects and possible risks of the reintegration processes activated by Moscow in the post-Soviet space in the second decade of the 21st century. The author assesses the development dynamics of the integration mechanisms of the new states after the collapse of the Soviet Union up to the present time (CIS, CSTO, Russia-Belarus Union State, SCO, EEA). It was revealed that, apart from a short period of the late 1990^s, when the Russian Federation refused controlling integration processes in the post-Soviet space, Moscow is the organizer and initiator of various interstate integration structures. Their activities are aimed at uniting the former Soviet republics around one center. Among all post-Soviet countries, only Russia has the desire and the opportunity to unite. Its activity is realized in accordance with modern ideas about its own geo-economic and geopolitical interests. These interests are at the heart of the modern integration policy of the Russian state. At the same time, the growth of Moscow's activity is directly proportional to the growth of the political, economic and military potential of the Russian Federation in the world. However, the effectiveness of the Russian integration policy is influenced by four external factors (China, the United States, the Middle East, Kazakhstan). Their manifestation in various combinations and with different strengths can significantly change both the content and speed of integration processes.

Keywords: Russia, Eurasia, CIS, Eurasian Union, SCO, CSTO, post-Soviet space, integration processes, reintegration, national interests.

Общеизвестно, что изначально понятие «интеграция» связывалось главным образом с экономической сферой. Поэтому именно хозяйственные интересы и возможные выгоды от экономического сотрудничества долгое время находились в центре внимания исследователей. Однако к настоящему времени большее значение в определении термина придаётся политической составляющей интеграционных процессов. Так, многие специалисты отмечают, что актуальным стимулом интеграции сегодня выступает острая необходимость решения проблем безопасности, обеспечение и поддержание мира, помощь в становлении и развитии различных политических и социальных институтов [1; 3; 5; 8; 10; 11]. Стремительный рост глобальной и региональной межгосударственной напряжённости актуализирует для современной России тематику возможности/целесообразности евразийской

интеграции в рамках старых и новых проектов. Анализ предпосылок, перспектив и возможных рисков реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве является целью данной статьи.

Распад Советского Союза по своей сути является дефрагментацией некогда единого политического, экономического и культурного пространства. Сначала перспективы независимости и национального суверенитета во многих бывших советских республиках оценивались гораздо выше, чем неминуемые издержки от прекращения действия Союзного договора. И даже, несмотря на юридически оформленное замещение СССР Содружеством Независимых Государств (СНГ, 08.12.1991 г.), реальное понимание необходимости реинтеграции постсоветского пространства пришло не сразу. Содружество Независимых Государств как новая модель уже международных отношений было предложено инициаторами Беловежского соглашения. И по своей сути представляло собой механизм адаптации республик Союза к условиям независимости и цивилизованного раздела союзных активов.

В марте 2005 г. в Ереване В. Путин отметил, что СНГ создавалось как бракоразводный механизм для бывших советских республик: «Если в Европе страны ЕС совместно работали для объединения, то СНГ создавалось для цивилизованного развода. Всё остальное — политическая шелуха и болтовня» [12].

Таким образом, СНГ было ориентировано скорее на постепенное понижение уровня интеграции новых стран, чем на сохранение единого пространства. Тем более что с обретением независимости не все бывшие советские республики согласились активно участвовать в патронируемых Москвой в структурах и снова играть роли подчинённых.

Политические элиты новых государств на тот момент не имели ни практического, ни теоретического опыта создания подобных институтов и слабо представляли себе будущее Содружества. За что справедливо подвергались критике с разных сторон: экспертов, общественных организаций, политической оппозиции. Тем не менее необходимо согласиться, что Содружество Независимых Государств является первым опытом интеграции постсоветского пространства.

Анализируя предпосылки и причины межгосударственных сближений, можно со значительной долей обобщения сказать, что все интеграционные процессы следует подразделять на геополитические, связанные с реализацией странами-участницами своих

геополитических интересов, и геоэкономические — направленные на решение тех или иных макроэкономических задач: расширение старых рынков и открытие доступа к новым, достижение экономического контроля над национальными факторами производства и природными ресурсами, обеспечение доступа к актуальным технологиям и др.

С другой стороны, те же процессы можно классифицировать по признаку организационной направленности интеграционных процессов. Этот тезис требует пояснения. Для сложных политико-экономических пространств, включающих в себя территории граничащих друг с другом стран, — потенциальных субъектов интеграции, характерна дифференциация этих субъектов по уровню их политического, экономического, военного потенциала. Сильные страны фактически становятся инициаторами интеграционных процессов, своеобразными «центрами притяжения», стягивающими/сшивающими фрагментированное политико-экономическое пространство. Инструменты этого могут быть различными: милитарные, экономические, политические, гуманитарные или любое их сочетание. В результате формирования и усиления некоего интеграционного центра формируются центростремительные процессы. А снижение его потенциала создаёт предпосылки для возникновения и развития центробежных процессов, которые способны привести к изменению всей модели интеграции [4].

Все процессы, связанные интеграцией и реинтеграцией постсоветского пространства, можно рассматривать с точки зрения этих подходов.

Несмотря на существенное отставание Российской Федерации от Советского Союза в политическом и экономическом влиянии, современная Россия на постсоветском пространстве фактически является единственным центром интеграции. Из всех постсоветских стран только Россия обладает не только желанием к объединению, но также и наибольшими для этого возможностями (хотя пока, может, и недостаточными).

Исходя из ранее озвученного подхода, российские национальные интересы интеграции можно разделить на геоэкономические и геополитические. Стремление к реализации этих интересов/целей по сути лежит в основе интеграционной политики российского государства на протяжении всего постсоветского периода.

Однако надо отметить, что большая часть экономических интересов далеко не очевидна. Так, например, нельзя всерьёз говорить,

как о несомненной выгоде, о расширении рынка сбыта продукции российских производителей: рынки партнёров в разы уступают российскому; объёмы потенциальных инвестиций партнёров не в состоянии удовлетворить инвестиционный голод российской экономики в условиях санкционных ограничений; в научно-технологическом отношении ни одна страна из постсоветских республик (за исключением Украины до недавнего времени) не обладает сравнимым с российским уровнем научно-технических разработок.

Единственный вариант, способный объяснить стремление экономической интеграции и российской заинтересованности в ней, — это обеспечение доступа к месторождениям дефицитных/высоколиквидных полезных ископаемых (нефть, газ и т.п.) и обеспечение контроля над маршрутами/транспортными коридорами их доставки на международные рынки. А это уже цель не только экономическая.

В свою очередь, геополитические интересы России на постсоветском пространстве напрямую связаны с вопросами национальной безопасности, как то: противодействие военно-политической и экономической экспансии США и стран Евросоюза в Средней Азии; обеспечение политической стабильности и социально-экономической устойчивости светских государств региона, формирующих мягкое «подбрюшье» России; борьба с международным терроризмом, международной организованной преступностью; прекращение наркотрафика.

Таким образом, в соответствии с представлениями о собственных геоэкономических и геополитических интересах Россия выступает инициатором создания разнообразных интеграционных инструментов, деятельность которых направлена на достижение или геоэкономических, или геополитических целей российского государства.

Однако при этом необходимо иметь в виду два момента. Во-первых, при исследовании геополитического компонента в интеграционных процессах необходимо учитывать экономическую эффективность их реализации. Во-вторых, никакой экономической анализ не может считаться законченным без оценки его реальных и потенциальных геополитических рисков и выгод [13].

К организациям, в рамках которых Россия продвигает идеи интеграции и реализует свои геоэкономические интересы, следует отнести (с некоторыми оговорками): СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный

союз, Единое экономическое пространство, Евразийскую экономическую комиссию и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Несмотря на то, что мы не считаем возможным рассматривать Содружество Независимых Государств исключительно интеграционным проектом в силу задач, ради которых оно было создано, тем не менее одним из важных, по нашему мнению, достижений этой версии постсоветской интеграции является выработка принципа «разноскоростной интеграции». Он впервые был успешно реализован в рамках СНГ и привёл к возникновению новых интеграционных объединений стран-участниц Содружества, готовых к углублению процесса политического, экономического, культурного взаимодействия. Так, за сравнительно короткий временной период были сформированы «Союзное государство России и Республики Беларусь», ЕврАзЭС, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийская экономическая комиссия и, наконец, Евразийский экономический союз (ЕАЭС). При этом все эти организации не заменили собой СНГ. Они, организационно отталкиваясь от нормативно-правовой базы Содружества, позволяли странам-участницам создавать более продвинутые интеграционные институты. Тем самым предпринималась попытка выйти за пределы изначально заложенного адаптационного механизма СНГ и перейти к реальным формам экономического, политического сотрудничества.

Активная деятельность российского руководства по реализации экономической интеграции на постсоветском пространстве началась только с 2000 г., когда была создана новая интеграционная структура — Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). До этого момента, почти десятилетие, в силу многочисленных проблем государственного роста Россия не рассматривала интеграцию в качестве приоритета своей внешней политики. И в результате упустила инициативу.

В начале 1993 г. лидеры среднеазиатских республик пришли к выводу, что СНГ является крайне малоэффективным и аморфным образованием, а Россия ведёт весьма пассивную политику на постсоветском пространстве. И с целью укрепления обретенной государственности и политической самостоятельности они стали развивать взаимодействие в обход России, создавая альтернативные СНГ субрегиональные группировки.

Действительно, долгое время Москва не реагировала на данную интеграцию в Средней Азии. А в это время она набирала обороты.

Четырьмя среднеазиатскими республиками — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном — был создан Центрально-Азиатский Союз.

Только к концу XX в. Россия стала уделять этому региону большее внимание. В 2001 г. Москве был предоставлен статус наблюдателя в Центрально-Азиатском Союзе. А в начале 2004 г. Россия подала заявку на вступление в Организацию Центрально-Азиатского Сотрудничества (ОЦАС), правопреемницу Центрально-Азиатского Союза, которая к концу этого же года была удовлетворена.

После вхождения России в организацию, в силу несопоставимости экономического, демографического, территориального потенциала России и стран Центральной Азии, данная структура фактически лишилась своей региональной специфики. В результате оказалось, что на момент принятия Российской Федерации в ОЦАС речь шла не о вступлении России в организацию, а о слиянии этой организации с интеграционными объединениями, функционирующими под эгидой Москвы. Действительно, уже в 2005 г. было принято решение о слиянии ОЦАС с ЕврАзЭС, что фактически означало отказ большинства центральноазиатских республик от развития интеграции в регионе в обход России.

Тем не менее Казахстан периодически инициирует центральноазиатские интеграционные проекты, однако особой поддержки в этом регионе уже не находит. Во всяком случае, пока. В свою очередь, Москва расценивает инициативы Казахстана как попытку ослабить влияние России в Центральной Азии.

Далее интеграционная активность Москвы шла только по нарастающей.

В октябре 2007 г. Республикой Беларусь, Казахстаном и Российской Федерацией был подписан Договор о создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза (ТС) с едиными Таможенным кодексом, таможенным тарифом, системой внешнеторгового, таможенного и технического регулирования.

В ноябре 2011 г. президенты этих стран подписали Декларацию о Евразийской экономической интеграции, где было заявлено о переходе к следующему этапу интеграционного строительства — Единому экономическому пространству (ЕЭП). В рамках ЕЭП страны договорились согласовывать свои действия в ключевых областях регулирования экономики.

В феврале 2012 г. был создан постоянно действующий над-национальный регулирующий орган, который получил название «Евразийская экономическая комиссия» (ЕЭК). Она фактически стала механизмом подготовки Договора о Евразийском экономическом союзе, который был подписан 29 мая 2014 г. тремя президентами в Астане. Договор об Экономическом союзе вступил в силу после ратификации парламентами трёх стран и начал действовать с 1 января 2015 г. В 2016 г. Союз пополнился новыми членами — Киргизией и Арменией.

В новой организации, как и в предыдущих версиях, обозначен экономический вектор интеграции. Проект позиционируется как лишённый политической составляющей. На разных этапах подготовки договора лидеры Белоруссии и Казахстана неоднократно высказывались против какой-либо политизации ЕАЭС. Тем не менее, по мнению некоторых экспертов, «проект Евразийского союза представляет собой попытку России сформировать региональную гегемонию на постсоветском пространстве в соответствии со своими глобальными интересами» [9, с. 61]. Это утверждение представляется правдоподобным, если учесть те усилия и упорство, с которыми Россия создавала механизмы координации межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве.

Действительно, создание ЕАЭС не может не иметь серьёзных последствий политического характера. Евразийский экономический союз является довольно асимметричным интеграционным образованием с явным преобладанием одного участника — России. Страна, имеющая наибольший ВВП, наибольшую территорию и население, с более мощной и диверсифицированной экономикой не может не пытаться реализовать свои преимущества и вывести их в реальную политическую плоскость при принятии важных экономических, организационных, а следовательно, и политических решений.

К геополитическим инструментам России, с помощью которых она старается управлять процессами интеграции на постсоветском пространстве, следует отнести Организацию Договора коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Время возникновения этих организаций связано с изменением российской позиции в вопросах интеграции постсоветского пространства и приходится на начало 2000-х гг., когда

Россия активизировалась по всем возможным направлениям интеграции: и экономическим, и военно-политическим.

ОДКБ — организация военно-политической направленности — была создана в 2002 г. на основе Договора о коллективной безопасности от 1992 г. Основной состав организации долгое время неизменен: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. Исключение составляет «челночное» движение Узбекистана, который вступал в организацию и выходил из неё уже несколько раз.

Несмотря на декларирование серьёзных целей, Договор о коллективной безопасности не представляет по факту своей деятельности военно-политического объединения союзников. Начиная с момента подписания в 1992 г. и по настоящее время ОДКБ представляет собой больше виртуальную организацию, нежели реальную.

За 25 лет существования организации механизм коллективной безопасности ни разу не был запущен. Коллективные силы не участвовали в боевых действиях по оказанию военной поддержки странам-участницам. Хотя за эти годы кризисные ситуации возникали неоднократно (Россия — первая и вторая чеченская война, российско-грузинский конфликт 2008 г.; Армения, Киргизия, Таджикистан).

Причина такой пассивности, на наш взгляд, заложена в основополагающих документах договора, а именно в концепции коллективной безопасности участников, где сформулированы основные принципы взаимоотношения стран. Так, один из них предполагает «взаимное уважение и учёт национальных интересов и позиций государств-членов ДКБ в сфере политики и безопасности» [7]. Другими словами, если страна-участница договора считает, что её участие в той или иной силовой акции, проводимой под эгидой ОДКБ, не соответствует её национальным интересам, то она вправе игнорировать своё участие и занять нейтральную позицию.

В результате за всю историю существования ОДКБ не было принято решения об оказании военной помощи. Самая «мощная» поддержка была оказана России по факту расстрела грузинскими войсками российских миротворцев в августе 2008 г., на тот момент, кстати, обладавших мандатом ООН. Организация выразила только озабоченность самим фактом агрессии. Хотя в подобных ситуациях от союзников как минимум ожидается однозначная политическая поддержка.

Такая позиция членов ОДКБ вполне объяснима. В условиях высоких геополитических рисков и глобальной нестабильности они стараются избежать ухудшения отношений с западными партнёрами, которое, несомненно, наступило бы, если бы члены ОДКБ открыто поддержали действия России в Южной Осетии или позднее в Крыму.

Если напрямую угрозы их не касаются, члены ОДКБ проводят так называемую политику лавирования между центрами силы, смысл которой состоит в поиске оптимальной амплитуды колебания между Россией и Западом, с целью получения максимально возможных бонусов как от Москвы, так и от Вашингтона.

Сегодня партнёры ОДКБ получают значительные преференции в военно-техническом сотрудничестве с Россией. Москва предоставляет союзникам возможность приобретать военную технику и вооружение по минимальным внутрироссийским ценам, оказывает помощь в подготовке военных специалистов [2, с. 12].

В условиях быстрого изменения обстановки в регионе и в мире сохранение такого подхода значительно снижает уровень безопасности России. Следовательно, необходимо ожидать скорой трансформации существующей модели коллективной безопасности. И эти изменения, скорее всего, начнутся в ОДКБ, где будут пересмотрены основополагающие принципы организации. Однако без длительной и кропотливой подготовки эти действия не будут встречены союзниками одобрительно, что при усилении давления Москвы может привести к изменению численного состава организации.

В результате распада СССР и прекращения идеологического соперничества между Китаем и Россией возникли благоприятные предпосылки для сотрудничества, которые в 2001 г. способствовали созданию Шанхайской организации сотрудничества. Эта организация под воздействием внутренних, региональных и глобальных факторов, а также благодаря совпадению целей и интересов участников стала быстро развиваться. К числу участников ШОС (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан) в 2017 г. присоединились Индия и Пакистан. В результате страны ШОС с численностью населения более 3 млрд чел. составляют около 60% территории Евразии [8].

По своим целям ШОС не является военной организацией, тем не менее к главным задачам относит укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем

участников, борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, последствиями стихийных бедствий, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия. Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества для России является ещё одним геополитическим инструментом развития интеграции. И в отличие от ОДКБ этот инструмент более сложный в использовании. Территориально интеграционные процессы, охватывающие страны ШОС, выходят далеко за пределы постсоветского пространства. Более того, в этой организации Россия объективно не является лидером. По многим позициям и в первую очередь по уровню экономического потенциала она значительно уступает Китаю. Именно Пекин является интеграционным центром данного объединения.

Несмотря на стратегическое партнёрство России и Китая и тесное взаимодействие стран в рамках организации и на мировых политических площадках, для продвижения российских интересов посредством ШОС существуют серьёзные риски. В первую очередь это касается расхождения политических и экономических интересов Москвы и Пекина.

КНР рассматривает страны ШОС как потенциальный рынок сбыта и в перспективе как основу евразийской зоны свободной торговли. Поэтому выступает за паритет политической и экономической деятельности организации. А ещё лучше, если бы экономические цели превалировали работе ШОС [10, с. 44].

Россия, напротив, настаивает на сохранении традиционной активности ШОС в борьбе с проявлениями терроризма, экстремизма и сепаратизма, справедливо опасаясь установления экономической гегемонии Китая в Центральной Азии. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется лоббирование Москвой вступления в ШОС Индии как экономического противовеса Пекину.

В завершение следует сказать: во-первых, пространственное соприкосновение и даже пересечение интеграционных инициатив России и Китая неизбежно ведёт к конкуренции проектов, предлагаемых Москвой и Пекином. И в этом соревновании у России шансов победить немного.

Во-вторых, хотя интеграционные проекты России на постсоветском пространстве имеют своей целью обеспечение контроля над экономическими и политическими процессами бывших советских республик, тем не менее они не являются попыткой Москвы восстановить СССР версии 2.0. Современные российские проекты

строятся на рыночных принципах взаимодействия с учётом минимизации издержек и расходов. Не всегда это удаётся реализовать в полной мере, однако в силу имеющегося экономического и политического потенциала Российской Федерации альтернативы этому нет. Страна не готова снова нести на себе всё бремя интеграции.

В-третьих, в настоящее время российская интеграционная активность на постсоветском пространстве и за его пределами будет развиваться под влиянием четырёх основных факторов: 1) фактор Китая, 2) фактор США, 3) фактор Ближнего Востока, 4) фактор Казахстана.

Китай. Позиционирование интересов Китая в Центральной Азии и продвижение их посредством ШОС и Великого шёлкового пути способно не только существенно изменить ситуацию в регионе, но и вызвать центробежные тенденции в Евразийском экономическом союзе. Развитие двустороннего экономического сотрудничества с КНР под эгидой Шёлкового пути объективно ставит членов Союза в ситуацию расслоения интересов, где совместные с китайским бизнесом проекты вступают в противоречие с обязательствами республик в рамках Евразийского Союза.

США. Прекращение или изменение формата антитеррористической кампании, проводимой США в Афганистане, будет иметь серьёзные последствия для безопасности центральноазиатских республик. Это потребует от России дополнительных усилий в рамках ОДКБ или же двусторонних обязательств.

Ближний Восток. Разгром и вытеснение боевиков ИГИЛ с территории Сирии и Ирака, в рядах которых находится большое количество выходцев из Центральной Азии, приведёт к их возвращению на родину, что создаст дополнительную угрозу — дестабилизацию республик.

Казахстан. В условиях сложившейся в этой стране авторитарной модели политического режима при прекращении Н. Назарбаевым президентских полномочий риски для интеграционных проектов возрастают. Высока вероятность того, что новое руководство республики инициирует процесс пересмотра ряда интеграционных соглашений. Сближение Казахстана и Китая в экономической сфере также оказывает на риски значительное влияние.

Таким образом, существующие риски реинтеграции постсоветского пространства могут значительно повлиять на строительство Евразийского союза, добавить нестабильности в формирующийся тренд центростремительных интеграционных процессов.

Кроме того, продолжающееся изменение баланса сил в пользу Китая может отразиться на положении России и в ШОС. В частности, это, вероятно, выразится в том, что на фоне китайского проекта Шёлкового пути будет снижаться интерес стран Центральной Азии к участию в этой организации. Для Пекина снижение роли ШОС будет компенсироваться ростом его собственного экономического присутствия в Центральной Азии, в то время как Москве возместить эту потерю будет нечем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бобыло А.М., Песцов С.К. Национальная безопасность: эволюция теоретических представлений и национальные политические практики США, КНР и РФ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 3 (36). С. 9—22.
2. Быстренко В.И. ДКБ — ОДКБ — непростой путь к коллективной безопасности // Наука и мир. 2015. № 2. С. 10—14.
3. Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47—72.
4. Волынчук А.Б., Шведов В.Б. Опыт предварительного определения состава геополитического потенциала // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2008. № 13. С. 42—50.
5. Воскресенский А.Д. Мировой тренд регионализации. Основной понятийный аппарат // Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 130—157.
6. ЕАЭС и ШОС готовят ответ Вашингтону // ПРАВДА-ТВ.RU: информационный ресурс. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2016/03/04/212761/eaes-i-shos-gotovyat-otvet-vashingtonu> (дата обращения: 26.10.2017).
7. Концепция коллективной безопасности // ОДКБ-CSTO.ORG: сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (дата обращения: 29.10.2017).
8. Кочетов Э.Г. Инновационное обустройство глобального мира (Россия — Китай: стыковка широтных геоэкономических поясов — меридиональные связки) // Безопасность Евразии. 2014. № 2. С. 324—335.
9. Лаумулин М. Дискуссия по проблемам евразийской интеграции // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 3. С. 44—62.
10. Лузянин С.Г. Российско-китайские измерения Шанхайской организации сотрудничества. Модель — 2013 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 42—49.
11. Пономарёва Е.Г., Рудов Г.А. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель — Observer. 2013. № 9 (284). С. 18—30.
12. Путин В.В. СНГ создавалось для «развода» // BBC RUSSIAN.COM: сайт Русской службы Би-би-си. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4382000/4382389.stm (дата обращения: 29.10.2017).
13. Эжиев И.Б. Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование // Власть. 2011. № 1. С. 50—53.

REFERENCES

1. Bobylo A.M., Pescov S.K. Nacional'naja bezopasnost': jevoljucija teoreticheskikh predstavlenij i nacional'nye politicheskie praktiki SSHa, KNR i RF [National security: the evolution of theoretical concepts and national political practices of the United States, China and Russia]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo*, 2015, no. 3 (36), pp. 9–22. (In Russ.)
2. Bystrenko V.I. DKB — ODKB — neprosto put' k kollektivnoj bezopasnosti [CST — CSTO — an uneasy way to collective security]. *Nauka i mir*, 2015, no. 2, pp. 10–14. (In Russ.)
3. Vinokurov E.Ju., Libman A.M. Dve evrazijskie integracii [Two Eurasian integrations]. *Voprosy jekonomiki*, 2013, no. 2, pp. 47–72. (In Russ.)
4. Volynchuk A.B., Shvedov V.B. Opyt predvaritel'nogo opredelenija sostava geopoliticheskogo potenciala [The experience of preliminary determination of the structure of geopolitical potential]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*, 2008, no. 13, pp. 42–50. (In Russ.)
5. Voskresenskij A.D. Mirovoj trend regionalizacii. Osnovnoj ponjatijnyj apparat [The world trend of regionalization. Basic conceptual framework]. *Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v special'nost'* [World integrated regional studies. Introduction into a professional field]. Ed. by. A.D. Voskresenskij. Moscow, Magistr, NIC INFRA-M Publ., 2015, pp. 130–157. (In Russ.)
6. EAJeS i ShOS gotovjat otvet Vashingtonu [The EEA and the SCO prepare a response to Washington]. Available at: <http://www.pravda-tv.ru/2016/03/04/212761/eaes-i-shos-gotovyat-otvet-vashingtonu> (accessed 26.10.2017). (In Russ.)
7. *Koncepcija kollektivnoj bezopasnosti* [The concept of collective security]. Available at: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (accessed 29.10.2017). (In Russ.)
8. Kochetov Je.G. Innovacionnoe obustrojstvo global'nogo mira (Rossija — Kitaj: stykovka shirotnyh geojekonomicheskikh pojasov — meridional'nye svjazki) [Innovative arrangement of the global world (Russia — China: integration of latitudinal geo-economic belts — meridional links)]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2014, no. 2, pp. 324–335. (In Russ.)
9. Laumulin M. Diskussija po problemam evrazijskoj integracii [Discussion on the problems of Eurasian integration]. *Central'naja Azija i Kavkaz*, 2014, vol. 17, issue 3, pp. 44–62. (In Russ.)
10. Luzjanin S.G. Rossijsko-kitajskie izmerenija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. Model' — 2013 g. [Russian-Chinese measurements of the Shanghai Cooperation Organization. Model — 2013]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 3, pp. 42–49. (In Russ.)
11. Ponomarjova E.G., Rudov G.A. Evrazijskaja integracija i civilizacionnoe prostranstvo Rossii [Eurasian integration and the civilizational space of Russia]. *Obozrevatel' — Observer*, 2013, no. 9 (284), pp. 18–30. (In Russ.)
12. Putin V.V. SNG sozdavalos' dlja «razvoda» [The CIS was created as fraud]. Available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4382000/4382389.stm (accessed 29.10.2017). (In Russ.)
13. Jezhiev I.B. Geopoliticheskij risk: predmet, objekt, klassifikacija, analiz, prognozirovanie [Geopolitical risk: subject, object, classification, analysis, prediction]. *Vlast'*, 2011, no. 1, pp. 50–53. (In Russ.)